

Юрий Саваровский

Я ВО ВРЕМЕНИ

Юрий Саваровский

Я во времени

«Пробел-2000»

2011

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Саваровский Ю. С.

Я во времени / Ю. С. Саваровский — «Пробел-2000», 2011

ISBN 978-5-98604-267-1

Авторский сборник стихотворений.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-98604-267-1

© Саваровский Ю. С., 2011
© Пробел-2000, 2011

Содержание

Зарницы	6
Реальные виденья	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Юрий Саваровский

Я во времени

© Саваровский Ю. С., 2011

* * *

«И дольше века длится день...»
Борис Пастернак

Зарницы

Зарницы

Далеко полыхают зарницы,
Будоражат пугливую ночь.
Мне тревожно, нисколько не спится,
Будто чувствую – что-то случится,
Дрожь души не могу превозмочь.

Эти сполохи на горизонте
И пугают, и манят меня,
Мнится мне, что в окопе на фронте,
Новобранец в обстрелянной роте
Замер в ужасе в море огня.

За сметающей артподготовкой,
По команде: – «В атаку!» «Ура...а!»
Над окопом взметнулась винтовка,
Прокричала встревожено совка,
Солнце выстрелило из-за бугра.

От зарницы в холодном рассвете
Грань штыка осветилась на миг,
Новобранец по имени Петя
В разрешение жизни и смерти
На фашистов направил свой штык.

Подъём!

Есть семь часов для всяких армий,
Когда их балует кровать.
Сопит солдатская казарма,
Ещё ей три минуты спать,

И лишь не спит один дневальный,
(Потом он отоспится, днём)
Он сущий враг солдатской спальне,
Когда во всю орёт: – «Подъём!»

Но я приемлю миг подъёма,
Хотя, чего же мне скрывать?
Я по утрам в покое дома
Любил до полудня поспать.

Подъём! Как выстрелила пушка!

Как будто взорвана кровать!
Но шепчет мама мне на ушко:
– «Сыночек, не пора ль вставать?»»

Гарнизон

Посёлок Вилга, что в Карелии —
Старт моей службы офицерской,
Укрытый ёлками и елями
От стужи непомерно дерзкой.
На взгорье финскими домами
Расположился гарнизон,
Замаскированный дымами
Из труб печных все сутки он.
Зачем его сюда загнали,
Еще, не с финской ли войны?
Теперь танцуем «хали-гали»
Под звуки финской стороны.
И по команде под фанфары
Мы службу здешнюю несём,
И грозно мечутся радары,
Врезаясь в неба окаём.

Секретный объект

Осины с осенним загаром
Поникли над крутояром.
Вдоль речки от грязи чумазой
Ползут черепахами МАЗы,
Гружёные жёлтым песком,
Скрываясь за жидким леском.
И груз этот многотонный
Доставят в закрытую зону,
Где строят секретный объект,
Огромный, железобетонный,
Забором глухим обнесённый.
И здесь офицерские жёны
Забудут про Невский проспект.
Мужья их (куда же им деться?)
Должны разрывать своё сердце
И дозу рентгенов копить,
И будут радары вертеться,
Бросая вокруг мегагерцы,
И спиртом, настоящим перцем,
Заставят здоровье крепить.

* * *

Снег растаял и сошёл,
И подсохло месиво,
Стало в мире хорошо
И тепло, и весело.
Травка выстлала газон,
Ели строевые
Охраняют гарнизон,
Словно часовые.
В дополнении к скворцу,
Тот, что в поднебесье,
Взвод горланит на плацу
Строевые песни.
И торжественно звенит
Плац под сапогами,
И ревниво замполит
Всё следит за нами.

Букет для мамы

Хотя память уже слабовата,
И всё ж, по прошествии лет,
Я помню, как с первой зарплаты
Купил я для мамы букет.
Семь скромных весенних ромашек,
(До роз я тогда не дорос)
В семейное гнёздышко наше
Впервые цветы я принёс.
И мама, почти что рыдая,
Упрятала слёзы в букет.
А мама ещё молодая,
А маме под сорок лишь лет!
И как же вдове не заплакать,
Не вспомнить счастливые сны.
Последний букет только папа
Ей за день вручил до войны.
О, мама, я помню те слёзы
До самых сегодняшних дней,
Теперь вот лишь скорбные розы
Несу я к могилке твоей.

* * *

Когда я добрался до Блока
Мне было четырнадцать лет,
Не знал я ни чёрта, ни Бога

Не знал, что такой есть поэт.

И как – то решился я маме
Из Блока стихи почитать,
Стихи о прекрасной даме,
А мама давай причитать.

Не ведал я вовсе трагедий,
Далёк был от страстной любви,
Я слышал лишь ссоры соседей
И видел их лица в крови.

Что было в реальности этой?
Лишь жизнью вскормлённая жуть,
И вдруг со стихами поэта
Сумел на любовь я взглянуть.

Увидел прекрасную даму,
Святую – хоть Богу молись!
И рядом с ней скорбную маму,
И вдовью распятую жизнь.

Я понял, что в сущности вдовьей,
Постигшей молодку не в срок,
В надежде, любви или слове
Ей нужен ни Бог, а Блок.

* * *

Никогда старый мир не воскреснет,
Никогда не пробудятся сны,
Кроме этой пронзительной песни,
Той, что пелась во время войны.
Эту песню покойная мама
Тихо пела в военную ночь,
Когда не было хлеба ни грамма,
И казалось, что жить уж невмочь.
Не держали тепло одеяла,
Бил по окнам трескучий мороз.
Только песня одна согревала,
Наши души от стужи и слёз.

Победители

Последний залп войны
Сменился залпом мира.
Страна с Победой ждёт своих сынов.
Цветы весны на лацкане мундира
И на груди сиянье орденов.

Домой с Победой, Миром и Любовью!
В родимый дом! Неси состав скорей
Победу, завоёванною кровью
И множеством оплаканных смертей.
О, воины Победы! В мирной нови,
Ещё не в силах тихий мир понять,
Солдатским сердцем и душой сыновней
Торопитесь родных своих обнять.
Вы прошагали тыщи километров,
Вы сотни километров проползли!
Пьянеете от дуновенья ветра
И запаха отеческой земли.
И, может быть, мой папа с орденами,
В цветах и слёзах радостного дня,
Пропахшими от пороха руками
Обнимет крепко маму и меня.

Гвоздики

Не проходящий календарь
Гвоздит гвоздиками по датам,
Их боевая киноварь —
Бессмертный памятник солдатам.
Гвоздики – это фейерверк.
Солдатам и Победе воздан,
Он, как душа, стремится вверх
К перекликающимся звёздам.
Гвоздики – это скорби лик,
Склонённый к плитам обелисков,
Как жизни миг, как смерти миг,
Смотрящий пристально и близко
На нас глазами тех солдат,
И безымянных и великих.
Как много у России дат
В кровавых лепестках гвоздики.

Родина

Речной трамвайчик. Воды Иртыша.
Стою на палубе, глазами берег шарю,
И мысленно себя я вопрошаю,
Чем так моя наполнилась душа?
Здесь моя родина и корень родословный,
Вот в этих необузданных степях.
Собаки длинношерстные в репьях
И этот перелесок малокровный,
Пологий берег с жухлою травой,
И редкие безликие совхозы...
К ним не дошли когда-то паровозы,

Была лишь мукомольня паровой.
С большим трудом к ним добирался свет.
Теперь же глянь – кругом высоковольтки,
И нет уже знакомой мукомолки,
И близкого чего-то тоже нет.
Вот первая стоянка – порт Черлак,
Хоть не велик, да много всяких грузов
От спелых поэтических арбузов
До прозаизма, по названию шлак.
Мальчишки на притопленной барже
Сидят часами, ожидают катер,
Который их по Иртышу прокатит
И счастья штрих оставит на душе.
Кобыла в окруженье казачат
Косит пугливо слёзными глазами,
И коршун высоко под облаками
Парит кругами в поиске мышат.
Мне хорошо, я детство узнаю,
Степей казахских обоняю запах,
Что ветром мне принёс Восток и Запад,
И Север снежный, и горячий Юг.

* * *

Снег новогодний, праздничный
Над городком кружит,
Совсем немного дразнится,
Немного ворожит.
Ах, зимушка, ты снежная,
Всегда ты хороша,
Суровая и нежная,
Открытая душа!
Крепка ты по-сибирски,
А я ж в простуду влип,
Мой голос командирский
От холода охрип.
И взвод без командира
Сбивает стройный шаг.
От снежного эфира
Расслабилась душа.
Так в армии – не гоже,
Не по уставу так!
Ведь не для дамских ножек
Солдатский призван шаг.
Я новогодней ночи
Слабинки не даю
Кричу я, что есть мочи:
«Равнение в строю!».

* * *

Я люблю вечера усталые.
За день выжатый, как лимон,
Я себя беспечно балую,
И впадаю легко в полусон,
Когда рядом жена и дети,
Телевизор бузой нудит,
И луна безразличная светит,
И звезда потаённо глядит.
Знаю точно, что ждёт меня завтра,
Точно знаю, что ждёт и потом,
Самый лёгкий и быстрый завтрак
И весь день с офицерским трудом.

* * *

Благодарю тебя, Всевышний,
Что я ещё не нагулял
Жирок начальственный и лишний
И крепкий дух не растерял.
Что мерю жизнь по старой мерке,
Ушедшей в прошлые года,
Когда в строю, как на поверке,
Был офицером я всегда.
Знал честь, достоинство и братство,
Крепил, равнял солдатский строй
И в этом всё моё богатство,
И в этом весь характер мой.

* * *

На платформе зажглись фонари,
Я стою, опершись на перила,
Огневая полоска зари
Посиневшую даль запалила.
Электрички последний вагон,
В это время совсем малолюдный,
Я впадаю легко в полусон,
Забывая про день многотрудный.
Я добраться спешу до Мытищ,
Оказаться в зелёной зоне,
Где под старыми клёнами тишь
На моём притаилась балконе.
Где меня ожидает жена,
И не спит восьмилетняя дочка,
Где моя отпускная весна

Мне подарит от службы отсрочку.

* * *

По инфантильным ли причинам
Я задержался на года,
Не стал солидным я мужчиной,
Не обзавёлся нужным чином,
Но не был пешкой никогда,
От чьей-то прихоти зависим,
За кем-то подневольно брёл,
Но чтоб хитрить, ползти по – лисьи,
И чтоб спешить пробиться в выси,
До этого не снизошел.
А рядом были и такие,
Кто просто лез из шкуры вон,
Как печенеги и Батый,
Когда-то лезли в русский Киев,
Стремясь занять державный трон.

* * *

Какие совершенные девчонки,
Красавицы, точёные фигурки,
Как ловко поправляют они чёлки
Под лёгким обрамленьем чернобурки.
Одеты все со вкусом и стараньем,
Освежены французскими духами,
И, не скрываясь в созреваниe раннем,
Они стреляют томными очами.
Во след курсантам, движущимся строем,
Печатающим по асфальту шаг,
И каждый для них выглядит героем,
И я среди них чего-нибудь да стою,
И у меня влюблённая душа.

* * *

О, жизнь, позови меня в бой,
Дай мне непокорность и силу,
Иль путь мой пустой и слепой
Сведи в рядовую могилу.
Я многого в жизни хочу,
Но только не мир домочадца,
Я совестью к людям стучу,
И... не могу достучаться.
Я самый простой человек,
(Как ныне звучит это гордо!)

Но как же тщеславен наш век,
Как любит он звуки аккордов!
И все они бьют в унисон
С жирующей нынешней властью,
И даже церковью перезвон,
В хвальбе принимает участие.
Чтоб был бы доволен я всем,
Забыл бы протестное слово.
Я сплю, я работаю, ем,
Ем, сплю и работаю снова.

Старею

Старею. Всё-таки не верится,
Что годы жизни коротки,
А ведь мои бывшие сверстники
Уже вели на бой полки,
И покоряли пост высокий
Умом, упорством и трудом.
Творили люди, словно боги,
Резцом и кистью, и пером.
А мне две жизни, что ли дадено
Прожить в наш самый быстрый век?
Ведь мне за сорок, в сердце ссадина,
Что я беспутный человек,
И что живут одни начала
В моей метущейся душе,
Но быть бойцом она устала
И вот состарилась уже.

* * *

Разбудить и растревожить душу
Мне давно, беспечному, хотелось,
Чтобы одолеть моря и сушу,
Чтобы в ней вершилось всё и пелось.
Чтобы уничтожить покаянье
Тусклых дней, несбыточных ночей,
Чтобы наступило процветанье
Для меня и Родины моей

* * *

Не верхогляд я вовсе, не разиня,
Внимательно смотрю и вижу горе,
Всё зыбко, ненадёжно, как в трясине.
Куда же ты исчезаешь, Черноморье?
Сразила ли тебя шальная пуля,

Иль задушил тебя инертный газ,
Или схватил тебя за горло жулик
И подменил твой бриллиант на страз?
Нет, Севастополь – это не фактория,
Не база на скалистом берегу,
А это наша славная Виктория,
И я её навеки сберегу!

* * *

Мечты мои – вот спрятанная грань
От чувств моих со временем увядших,
Есть утра воскрешающая рань,
Есть вечер потерявшихся и падших.
И я теперь по грани той скольжу,
Боясь упасть налево иль направо,
О, грешный мир, тебе ли я служу
Без денег, без корысти и без славы?
Я слаб душой сегодня, это так,
Сломались напрочь твёрдые устои,
Не капитально, видно, жизнь я строил,
Должно быть, я заведомый простак.
Но верится, что в жизни я найду,
Без подражания и без эпигона,
Свою пятиконечную звезду
На сердце чтоб легла, не на погоны.

Атланты

Их десять, их зовут атлантами,
Рождённых, где-то там, в былом,
С телами мраморно атласными
И с тайной думой под челом.
Упруги жилистые ноги,
А руки подпирают свод.
Они стоят, как полубоги,
Под ними топчется народ.
Смотрю на них легко и бодро,
И сходство нахожу лишь в том,
Что их натруженные бёдра
Увиты золотым руном.
У всех недвижимые лица,
У всех одна и та же стать.
А не пора ли им различиться
И индивидуумами стать?
Один из них, похоже, сердится,
Увидев нашей жизни муть,
Клокочет каменное сердце,
И дышит каменная грудь.

Другой, с улыбкою Гагарина,
Глаза нацелил в высоту,
А третий, что с обличьем барина,
Глядят на нас, как в пустоту.
Четвёртый под величьем долга,
Стоит, как Родины солдат,
На берегу, где плещет Волга,
Где славный город Сталинград.
А пятый, словом кочевряжится:
В России мало, мол, свобод,
И масло русское не мажется,
На европейский бутерброд.
Шестой твердит, чтоб было б лучше нам,
Все наши горести забыть,
Глядеть на жизнь глазами Пушкина,
Россию-матушку любить.
Седьмой, печальный и унылый,
Как будто всеми позабыт,
Склонясь над братскою могилой,
У вечной памяти скорбит.
Восьмой же – весел и не гнётся,
Любая тяжесть по плечу,
Он независимо смеётся
В глаза любому палачу.
А самый молодой, девятый,
Спесиво смотрит на меня.
В его глазах я хиловатый
Атлантис нынешнего дня.
И только лишь один десятый,
Кричит за весь ареопаг,
Мол, Бог всемогущий виноватый,
Что в брэнном мире всё не так.

* * *

Ничего не позабудется,
Память крепко сбережёт
Всё, что было, или сбудется,
Если память душу жжёт.
Если ты не мимоходом
Подмечаешь жизнь вокруг,
И общаешься с народом,
Если есть и враг и друг,
Ощущаешь чутким сердцем
Полноту ночей и дней,
То вовеки не стереться
Светлой памяти твоей.

Юность

О, юность!
Ты только тогда хороша
И только тогда значительна,
Когда у тебя беспокойна душа
И сердце твоё рачительно.
Когда ты
Не благами взрослых живёшь,
Не греешься печкой – мамой,
А счастье своё сама создаёшь.
И в жизни держась упрямо.
Иначе сомненья, иначе застой
И собственных сил потеря.
О, юность, стройся!
О, юность, строй,
Любя, ненавидя, потея!

Что такое Россия?

Что такое Россия? Это ширь необъятная,
Это песня души, устремлённая в даль,
Что такое Россия? Это воля набатная,
Это счастье и боль, это смех и печаль.
Что такое Россия? Это совесть вселенская,
Это бранное поле великих умов,
Это шум городской, это тишь деревенская,
Это явь всех свершений и несбыточность снов.
Что такое Россия? Это муки сомнений,
Это поиски истин, это правды исток,
Это радость труда, это пагубность лени,
Это Запад и Север, и Юг, и Восток.

Русская святость

Как же мне всей душой не принять
Эту чистую, русскую святость
И на паперти судного дня
Не познать очищенье и радость.
От лесов и полей, от дождей и снегов
Вознести состраданье и совесть,
По велению праведных наших богов
В каждом вздохе и в каждом их слове.
Нам они завещали сполна
Быть в губительном мире святыми,
Не общаться с мирами такими,
У которых в душе Сатана.

* * *

Ты, моя светлая, тихая пристань,
Берег песчаный, дыханье степей,
Вечный певец из капеллы хористов
На иве плакучей поёт соловей.
И на холме притаился посёлок,
Всеми забытый, без новостей,
Не появляются здесь новосёлы,
И не встречают здесь званных гостей.
Время уносят иртышские воды,
К северу дальнему, к Обской губе,
И оседают ушедшие годы
Памятью прошлого о тебе.

Дети войны

У нас погибли на войне отцы,
И матери в кино нас не водили,
Мы сами шли на ипподром и в цирк,
В кинотеатр сами мы ходили.

Нас сами ноги к радости несли.
На ипподроме взмыленные кони,
Бросая комья глинистой земли,
Срывались с рыси в яростной погоне.

Наездников неумолимый хлыст
Хлестал по крупу. Зрители в азарте —
Два пальца в рот, и сатанинский свист
Бросал по ветру их тотализатор.

Мы, пацаны, любили больше цирк,
Что плыл над Омском куполом горбатым,
Где клоуны, жонглёры и борцы,
Наездники, стрелки и акробаты.

И всё же исключение – кино:
К нему любовь у нас была слепая.
Мы дети, опалённые войной,
Десятки раз ходили на «Чапая»

Нам был заказан платный кинозал,
Нам нечем было даже поскупиться,
И мы открыли вход через подвал,
Где под уборной сгнили половицы.

Кинематограф с именем «Гигант»,

Нисколько не тянувший на атлета,
Для нас служил, как билетёр-гарант,
Что пропускал в кино нас без билета.

* * *

Мама родная, тебе нынче семьдесят.
Семьдесят солнц и семьдесят лун,
Сын твой, твоё переспелое семечко,
Самый отчаянный враль и лгун.

Он обещал тебе, будучи мальчиком,
Что не покинет тебя никогда,
Добрую, нежную, милую мамочку.
Только все клятвы сломали года.

Он говорил тебе, будучи школьником,
Школу окончу – пойду в институт,
Если и был он отчаянным шкодником,
Но предпочёл он всем шалостям труд.

Труд на заводе и в поле целинном,
Для одноклассников – он, как пример.
Так что, мамуля, гордись своим сыном —
Он славной, советской страны офицер.

* * *

Иртыш река, ты колыбель моя!
Ты моей жизни светлое начало,
Меня ведёшь надёжно, как маяк,
К заветному, надёжному причалу.

Иртыш река, мой белый пароход,
Двухпалубный, с гребными лопастями,
Меня зовущий уж который год
Вернуться в детство, в город Омск и к маме.

Иртыш река, навеки я с тобой,
И где бы ни бывал я в этом мире,
Повсюду бредил жёлто-голубой,
Моей рекой, плывущей по Сибири.

Реальные виденья

* * *

Богатый и нищий,
Вода и огонь,
И бьёт кулачище,
И гладит ладонь.

Нам трудно смеяться,
И красить уста,
Коль рядом с богатством
Живёт нищета.

Над тёмным подвалом
Небесная высь,
В большом или малом
Заложена жизнь.

Что в мире большое,
Что малое в нём?
Умом и душою
О том познаём.

Где нужно смеяться,
Где нужно реветь,
Как нам разобраться
В своей голове?

* * *

По улице Горького,
Ныне Тверской
Иду и глазею
С гнетущей тоской.
Ничто не знакомо,
И чуждо всё мне,
В какой нахожусь я
Сегодня стране?
Совсем непонятно —
В церковной иль светской,
А я – то всё думал —
В столице советской.
Морщины со лба
Поползли до бровей.
Тверская Москвы,

Иль Нью-Йорка Бродвей?

* * *

Что-то мне совсем не спится
И гляжу я на луну.
Буржуазная столица
Пьянствует за всю страну.
Эка, радостное бденье,
Смачно капает слюна,
Очень много, много денег,
Пива, водки и вина!
Превосходная харизма,
Настоящий божий рай,
Это – лучше коммунизма,
Век живи, не умирай!

* * *

Чем больше пью – трезвее становлюсь,
Реальные присутствуют виденья,
А вот от них уж точно я упьюсь
До беспробудства и до помраченья.
Я не хочу, чтоб это было так,
Но видимое мною так противно,
Что пячусь от него я, точно рак,
И матерюсь при этом непрерывно.
Балуют дети с пивом и вином,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.